

фигура «Родины», беседующая со своим образцовым сыном. Нужно, однако, отметить, что литература рокошан в этом отношении значительно отличается от культивировавшегося особенно иезуитами аллегорического диалога. И здесь, правда, имеется «Tragedja rokoszowa na sejmie A. 1607 wydana», где выступают такие характерные действующие лица, как Ambicja (сам Зебжидовский), Perfidja (Стадницкий), Licencja (маршалок рокоша), Latrocinium («duetajstwo rokoszowe») и т. п.,¹ однако, на ряду с этим имеется в литературе рокошан ряд диалогов, прямым образом связанных с жизнью; в них элемент реалистический решительно преобладает, они часто настолько тесно связаны с политической злобой дня, что могут быть по-настоящему поняты только при надлежащем знакомстве с деталями жизни того времени; аллегорический элемент в них отсутствует совершенно. Таков, напр., прозаический диалог, выпшедший из среды противников короля рокошан, в котором выступают такие «заметные» лица своего времени, как ближайший сотрудник короля Мышковский, литовский канцлер Сапега, также сторонник короля, коронный референдарий Крыский (Kryski).² В этом прозаическом диалоге, переплетаемом латинизмами, выступления короля и его сторонников окрашены в явно сатирические тона: тут достается иезуитам, которым король столь покровительствовал; делаются намеки и на некоторые подробности его интимной жизни. Сходную литературную отделку получило «Colloquium rokoszowe»,³ автор которого старался сохранить «нейтралитет», хотя в сущности скорее был на стороне короля, чем рокошан; и здесь видим полное отсутствие аллегории; автор выводит таких действующих лиц, как тот же Мышковский, как небезызвестный для историков Боболя (Bobola), затем Скарга, наконец, «пляхтич», вообще долженствующий отражать мнение шляхетской «демократии». Эти приемы относительного реализма были необходимы в литературе, которая стремилась воздействовать на более широкие круги; именно по этому пути пошли позднее конфедераты; только они настолько уже порвали с давней средневековой литературной, чисто книжной традицией, что для них элемент аллегории вообще не представлял ценности, в особенности в диалогах; он ими был оставлен лишь в персонифицированных чисто лирических выступлениях. Однако, более последовательный переход к реализму в диалоге, отмечаемый у конфедератов, несомненно, имеет свои корни еще в литературе рокошан; мало этого, даже отдельные подробности его применения, встречающиеся у конфедератов, ведут фактически свое начало

¹ Czubek, op. cit., стр. 178.

² Ibid., стр. 37.

³ Ibid., стр. 75—81.